

"Это чудовище, это священный монстр, это русский принц, которого жизнь устранила, только если в ней происходило чудеса".
Жан Кокто о Сергее Дягилеве

ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ коллекций Ива Сен-Лорана именовалась Opéras-Ballets russes (1976) и была посвящена Дягилеву, Серебряному веку и русской цивилизации. Будучи, скорее, любителем, чем глубоким знатоком искусства, модельер выдал фантазию, где боарские шапки, алые сапоги, шитьё, мониста и шали перекликались с мечтами о Жар-Птице, которую не так-то легко поймать. Серж Дягилев не только поведаль Парижу о русских, но и просветил Россию относительно самой себя. Русское никогда не было провинциальным, но и никогда не считалось модным, а в начале XX столетия нам стали подражать и пресыщенные галлы, и надменные бритты, и утончённые римляне. Диктатор стиля, законодатель мод Поль Пуаре писал в своих мемуарах: "В то время у нас начал выступать русский балет Дягилева с целым созвездием талантов, которые на долгие годы озарили своим светом разные области искусства. На меня, как на многих французских художников, русский балет

СИСТЕМА ДЯГИЛЕВА

Выставка в Третьяковской галерее

произвел неизгладимое впечатление, допускаю, что в какой-то мере я находился под его влиянием". И это сказал человек, мнивший себя исключительным, непревзойдённым гением!

Конечно, Ballets russes — это, прежде всего, танец, но без материального оформления, безо всех этих одежд и декораций, эффект был бы не полон. Впрочем, и без фигуры Сергея Павловича Дягилева, чей 150-летний юбилей мы отмечаем в этом году, всё это оказалось бы невозможным. Он горел и зажигал других. Александр Бенуа со свойственной ему колкой иронией говорил, что Серёжа — профан во всех областях, но у него есть важнейший талант — заставить и устраивать: "У Дягилева была своя специальность, это была именно его воля, его хотение. Лишь с момента, когда этот удивительный человек "начинал хотеть", всякое дело "начинало становиться", "делаться". Самые инициативы его выступлений принадлежали не ему. Он был скорее беден на выдумку, на идею. Зато он с жадностью ловил то, что возникало в голове его друзей, в чём он чувствовал зачатки жизнечности".

Нельзя сказать, что все с ходу боготворили этого несносного падишаха, и, как писал всё тот же Бенуа: "Он (Дягилев) был совершенно по-ребячески тщеславен и честолюбив". Однако за инфантильностью крылось превеликое дерзание, свойственное мудрецам, а за празднословием — умение сказать главное. "Эта же потребность находилась в зависимости от присущего ему дара познавать людей, а познав, пользоваться ими. Дягилев был большой чаровник, настоящий шармер", — подытоживал Бенуа, точно до конца не зная, что правильнее — восторгаться Дягилевым или же слегка пинать его.

Тот спыл красавцем, не будучи таким объективно — громкий толстяк, затнутый в модные фраки. Что может быть смешнее с точки зрения Belle Époque, благоволившей к бледной и осенне-печальной тонкости позтов или же к открыточным "силачам" с мощными торсами и перетянутыми талиями? Сергей Лифарь вспоминал о первой встрече: "Он подсел к нам и заговорил, обволакивая, подчиняя, завораживая какой-то тёплой лучи-

стостью. Она исходила и от него самого, и от его тёмных молодых глаз".

Дягилев излучал солнечную энергию, и она важнее фасадно-внешних данных. Андрей Белый хлёсто выразил: "Вскид серебристого кока, и поза: Нерон в чёрном смокинге над пламенеющим Римом, а может быть, — камер-лакей, закрывающий дверь во дворец?" Таким он и был — жёстким деспотом и услужливым пажом, умницей, сладкоежкой, нахалом, циником и романтиком. Обожал и гонял... орал, а потом извинялся — человек-динамит с явным холерическим темпераментом. Поссориться с Дягилевым — ад. Помириться с ним — рай.

В Третьяковской галерее — выставка "Генеральная репетиция", обращённая к Русским балетам и непосредственно к Сергею Дягилеву (1872 — 1929). Мы знакомимся с парадной и закулисной сторонами действа: представлены документы, афиши, костюмы и личные вещи, вроде чёрных пунтов Тамары Карсавиной — вечной Коломбины, а ещё эскизы рерикховских и головничских декораций, книги из библиотеки художника Михаила Ларионова, фотографии участников.

ИСТОРИЯ дягилевских балетов закономерно делится на две части — до и после революции. Об этом говорят многочисленные программы 1900-х—1920-х годов, приглашения, афишные даты. Рассуждать об "эмигрантском горьком хлебе" не приходится: артисты были успешны и продолжали неслышно зная Русского Мира на Западе, а в той же Америке водились авантюристы, открывавшие школы танцев под вывеской Diagilev's или хотя бы Russian.

Балет прочно сделался синонимом России. На экспозиции каждому спектаклю отведена своя территория, и гости могут проследить эволюцию дягилевского "вторжения" — именно так называли те Сезоны парижские газетчики.

Русские привезли самое ожидаемое и тревожащее. Актуален был сочный ориентализм, что на контрасте с томной нежностью вьеток ар-нуво смотрелся очень броско. Балет "Половецкие пляски" Александра Бородина поразил публику — давно Париж не видел такого пламенного танца. На выставке можно увидеть фотографические свидетельства, равно как эскизы Николая Рериха с его восточным "почерком". Половецкий стан — это степная жара, влиятельная природой и словно бы зовущая к агрессивному танцу. Костюмы и обувь, также созданные Рерихом, и ныне ошеломляют своей яркостью.

Хореограф Михаил Фокин в книге "Против течения" вспоминал: "Создать танец волнующий, возбуждающий, было моей интересной задачей. Мне казалось: что я знаю о танцах половцев? Отсутствие материалов и восторг перед музыкой, которую так страшно испортить, смущали меня, и я готов был уклониться от постановки. Дягилев, предлагая мне поставить танцы для оперы, акт из которой

Рерих, увлечённый древней Русью не меньше, чем Востоком. Тогда назревал археофутуризм — слияние праистории с туманным послезавтра, возникал особый язык, вроде стихотворных борений Велемира Хлебникова, а супрематисты звали к постижению "изначальных ритмов вселенной". Первобытное и языческое манило интеллектуалов, но фрлпиривало почтеннейших господ, сидевших в ложах и посещавших художественные салоны. В 1920-х "Весну священную" переделал хореограф Леонид Мясин и его интерпретация оказалась созвучна настроениям "ревуущих двадцатых".

Логическим продолжением языческой тематики были авторские и народные сказки, к которым в Серебряном веке относились с особой серьёзностью, Дягилевцы познакомили Запад с нашей прекрасной, пугающей Жар-Птицей; одноимённый балет (1910) Стравинского был в числе кассовых и любимых. Фокин оценил удачность всего декора, а вещь-бутафория — это половина успеха: "Сад, как перидский ковер, сплетённый из самых фантастических растений, замок невиданной зловещей архитектуры. Всё в мрачных тонах с таинственно светящимся золотом".

Наряд главной героини — кипенная масса перьев и россыпи блёсток от Леона Бакста! — опять спровоцировал нервные

набеги французских дам к Пуаре, Дусе, братьям Вортам и Пакэн. Всем грелилось быть как Тамара Карсавина — эта славянская Венера на пунтах (последующий провал "Весны священной" был, кстати, обусловлен зрительскими надеждами — все ждали нечто вроде "Жар-Птицы", то есть богатую сказку, а получили какие-то ритуальные телодвижения).

ОСОБАЯ СТРАНИЦА биографии Дягилева — его сотрудничество с Михаилом Ларионовым и Наталией Гончаровой. То была ещё и крепкая дружба, продлившаяся до самой смерти мезената. Из любых отношений Дягилев извлекал пользу — для себя и России. Он никогда не пристраивал "своих людей" — он изначально выбирал талантливое окружение. Ларионов с первого же момента столь очаровался Дягилевым, что ловил буквально каждое его слово: "Мойм первым желанием было написать книгу о Дягилеве. Цель книги была оставить о нём как можно более ясные представления как о человеке, сыгравшем крупную роль в создании дела, названного за границей "Русским балетом".

Стоило Дягилеву поманить, Ларионов бежал, забросив все дела. Гончарова была куда как более сдержанной и, хотя она тоже подпала под обаяние Сержа, никогда не преклонялась перед ним. Иной раз кажется, что Дягилев затевал соревнования между Ларионовым и Гончаровой, предоставляя работу то одному, то другой, но супруги трудились и вместе.

Вот их совместный проект — балет "Русские сказки" на музыку Анатолия Лядова с либретто Леонида Мясина. Ряд миниатюр — "Баба-Яга", "Кикимора", "Коляда", "Царевна-Лебедь", — разных по наполнению и эстетическим концепциям, но объединённых названием. Это не переложение текстов из сборника Александра Афанасьева, но весьма своеобразная трактовка, и Леонид Мясин в книге "Моя жизнь в балете" отмечал: "В качестве антракта между эпизодами с Царевной-Лебедь и последней сценой с Бабой-Ягой я придумал сцену жуткой похоронной процессии, в которой трое крестьян несли на длинных шестах голову дракона, а Кот как главный плакальщик шёл, спотыкаясь, на задних лапах,

рыдая в носовой платок". И таких задумок было воплощено довольно много.

Балет "Свадебка" Игоря Стравинского с хореографией Брониславы Нижинской оформляла уже Наталия Гончарова сама, без мужа. Правда, здесь она приноравливалась к капризам Нижинской, браковавшей эскизы, как "не танцевальные". Если внимательно приглядеться, Дягилев чаще звал Гончарову: её краски и ритмы казались интенсивнее и "вкуснее", чем у Ларионова, ибо тот гнался за конъюнктурой, а жена творила от души. Целью было воспеть традиционную свадьбу с её вихревыми хороводами и красно-золотыми полотнищами.

ШЛО ВРЕМЯ. Где-то в далёкой России случилась революция, и всё пошло иным путём. В Париже бушевали динамичные двадцатые, Стравинский дружил с Коко Шанель, а русские аристократы, за неимением лучшего, ходили по подиумам домов мод на Rue de la Paix. Дягилевский мир выжил и выстоял.

Серж остался знаковой персоной, обедая в лучших домах, выбивая франки для своих постановок. Но уже тяжело болел — у него диагностировали диабет, от последствий которого он и умер в 1929 году, будучи полон творческих планов. Кем был Дягилев? Пропагандистом, покровителем, бароном, топ-менеджером от искусства? Это — словеса, эпитеты. Он был посланником Русского Мира, и тем всё сказано.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: костюмы для балета Игоря Стравинского «Свадебка», художник Наталия Гончарова

ВОСПЕВШИЙ ДЕРЕВНЮ

В Вологде открыли памятник русскому писателю

НА ВОЛОГОДЧИНЕ 23 октября состоялось знаменательное событие — торжественное открытие памятника прославленному вологжанину, одному из самых ярких представителей "деревенской прозы" Василию Ивановичу Белову. Событие приурочено к 90-летию со дня рождения писателя.

Автор памятника — скульптор Алексей Игнатов. Место установки выбрали сами жители города: на перекрёстке улицы Марии Ульяновой и Советского проспекта, у Вологодской областной библиотеки, которую часто посещал писатель. Средства на реализацию проекта были выделены из бюджета Вологодской области.

В своих произведениях Василий Белов с неизменной теплотой и душевностью описывал деревню и её жителей. Его считают родоначальником и самым крупным представителем жанра "деревенской прозы". Но дебютной его книгой стал поэтический сборник "Деревенька моя лесная".

В 1961 году вышла повесть "Деревня Бердяка". Вслед за ней вышли сборник рассказов "Знойное лето" (1963) и "Речные излуки" (1964). Опубликованная в 1966 году повесть "Привычное дело" принесла Василию Белову широкую известность. Повесть "Плотничьи рассказы" вышла в 1968 году, закрепив за писателем славу певца деревни, крупного и самобытного вологодского автора. Повесть была экранизирована: вышел одноимённый телеспектакль. Всего же на основе произведений Белова сняли пять картин. В Золотом фонде отечественного кинематографа достойное место занимает кинолента "Целуются зори", сценарий которой был написан по рассказу писателя. Рассказ Василия Белова "Весенняя ночь" изучают российские пятиклассники в рамках школьной программы. Есть у автора произведения, написанные специально для детей. К примеру, книга "Рассказы о всякой живности", состоящая из сказок и забавных историй о животных.

Книги Белова, в которых он воспевае русскую землю, продолжают публиковаться не только в России, но и далеко за её пределами. В автобиографической повести "Невозвратные годы" Василий Белов признаётся: "Писателем я стал не из удовольствия, а по необходимости, сплишком накопело на сердце, молчать стало невтерпёж, горечь душила. Но оказалось, что скользкая эта стезя (сначала стихи, затем проза) и стала главной стезей моей жизни. Совпала эта стезя и с музыкой, и с парусом, и с детекторным приёмником, а главное — с книгой!"

Открытие в Вологде памятника Василию Ивановичу Белову собрало друзей и почитателей его творчества, в числе которых — представители московских писательских организаций.

Соб. инф.

Открывает новые имена — приятное и необходимое дело. Газета "Завтра" представляет подборку стихотворений Натальи Возжаевой. Она автор двух поэтических сборников, неоднократно публиковалась в журнале "Родная Кубань", но широко российскому читателю её имя практически неизвестно.

Поэзия Возжаевой — это поэзия всеобъемлющего женского мира, переживаний и потрясений, трепетной материнской души, это женский отклик на взаимную, разделённую любовь сердца, которому есть кого любить и ненавидеть. Основные темы, на которые отзывается поэтесса с большой болью и которые выдают в ней настоящего патриота, рдеющего за Отчизну, — это темы Божественного начала в жизни человека, войны и Родины. И именно они на протяжении тысячелетия определяли и определяют сущность русской литературы.

Назовут Марией — живи Марией,
Что бы там об этом ни говорили.
Как придёт пора выпускать младенца —
Ты положишь в ясли большое сердце.
Там среди соломки и морд овечьих
Будет биться больно нечеловечей.
Прикрывай рану под левой ярудью,
Будешь жать волхвов,
но даров не будет,
А пойдут на боль твою пастухи,
Унесут в хлипцов мешках стихи,
Те, что станешь петь,
заслоняя ясли,
И звезде гореть негасимо, ясно.
Назовут Марией —
живи Марией —
Фитильком лампадным.
Терпи. Гори им.

Ветер какой-то, не по-осеннему юный.
Шарится в листьях глицинии, паразит.
Вечер какой-то, не по-осеннему лунный.
Глянешь на небо и небо тебя поразит.

Здесь дух её на крыльяхках стрекоз
Проявится неслышно, ползуриком:
На ручке развалившейся корзины,
На фартуке, подвешенном на гвоздь.
Она везде. На зелени ворот,
На белых гольфах слив, айвы и вишен...

«НА КРЫЛЫШКАХ СТРЕКОЗ...»

С детским невежеством звёзды таращатся сонно,
Сплюшкина тень промелькнула —
на липу, выдать.
Липа плещет под окнами девочки Сони.
Девочка стелет постель и готовится спать.
Мне же не спится, забыла, который месяц.
Утро приходит, наивные звёзды гася.
Ветер под утро куражится диким бесом.
Треплет глицинию.
Жалко. Осыпалась ея.

День осенний — тёплое молоко,
Расправляет крылья из облаков
И летит торжественно и легко.
Лес оранжевее по-над рекой,
Показалось — есть на земле покой,
Только плачет ивогла там по ком?
И бредут три всадника сквозь меня,
Глаз не видно, лица печаль хранят,
А четвёртый встал напоить коня.
Бледный конь, боками гуляя, пьёт,
Всадник Смерть его не торопит, ждёт,
И пока он пьёт остановлен счёт.
Не спугнуть бы, Господи, научи.
Но летят на пилотках паучки,
Всё вокруг пылёт,
и Господь молчит.

БАЛАКЛАВА

Всё просто, Боже мой,
ну как всё просто!
Пучком из лыка выбелен забор,
Ватажка кур, толкущихся на просе,
Очеловечивает прицерковный двор.

Тут лики на иконах — просто лица,
И храм — не храм,
а светлый Божий дом,
Где по утрам по чистым половицам
В рубашке белой тихо бродит Он.

И батюшка в застиранной бандане,
Пока не жарко, дёргает сорняк.

Как будто здесь.
Как будто просто вышла
За хлебом-молоком. Сейчас придёт.
Опустится благословенностью тьмы.
Заснулы куры. Во дворе — ни звука.
И только сад пугает редким стуком —
Там яблона прощаются с детьми.
Как пахнет хмель!

Как светляки кружат!
Теплом животным дышит дом саманный
И ночь несёт в полове сарафана
Увещив звёзд бозатый урожай.
Ему бы спать, но он боится сна.
Пришнётся, что сажает чернوبرовцы
В домашнем платье из простого ситца
Живая и весёлая она.
И сон как жизнь,
а, может, жизнь, как сон,
И время ничего уже не значит.
Забыв ладонь на голове собачьей,
Десятую за вечер курит он.

ОДИНОКОВА

В служебное стучусь:
мол, вот, не спится.
Ответный взгляд оправданно-свинцов.
С напутной надевает проводница
Улыбку на помятое лицо.

Начальника десятого вагона,
Припущица не спящих по ночам.
За чай несладкий с месяцем лимона
Я щедро-виновато дам "на чай".

Вздохнёт и приласлит присест за столтик.
Салфетки неожиданно свежи.
На поворотах всё скрипит и стонет,
И подстаканник тихо дребезжит.

Три перед утром — рано или поздно?
Звенишь в стакане ложкой — горячо!
И по одной растёгивая звёзды
Ослабит ночь тугой воротничок.

Заложники у следований дальных,
Любой из вас заводимо прощён.
Нечаянно в купе-исповедальне
Расскажешь всё и чуточку ещё.

Ну да, мы все похожи на вокзалы,
И только единицы на купе.
Запомнишь складку губ и взгляд усталый,
И бейджик "Одинокое В.П."

БАБУШКИ

Любят пословицы, делятся байками
И на колени, прикрытые байковым
Коверком, собранным по лоскуту,
Каждой дано по коту.
Тихо, не споря с учёными мамами,
Июдистой сеточкой, мёдом и травами,
Жаучим горчичником и молоком
Снимут недуг, как рукой.
Временем сознуты, сердцем ведомые,
Гладят макушки сухими ладонями
Сколько бы ни было детоньке лет.

Бабушки в тапочках войлочных
— Петелька к петельке вытосит пути —
Бабушки смогут уйти.

ПРИЧАСТИЕ

Ладонью тёплой ветерок
Взьерошивает нежно,
Как на макушке выхорок,
Рой лепестков черешни.

Следя за пляской мелюзги,
От суеты далёк ты.
Вдруг съедет бабочка на саб
Расслабленного локтя.

И, стелбёк засунув в рот,
Ты смотришь с интересом —
Ребёнок пошави идёт
На помочах небесных.

Букашек смахивая взвесь
Лениво и блаженно,
Подумается: 'Он точно есть
В ближайшем окруженьи.'

Он теи от бабочки на мне,
Он зевон пичуге, Он солнцу.
И мы сидим спина к спине —
Под Ним трава не мнётся

Поймёшь, что жизнь не обнулить
И не начать сначала,
И самой сильной из молитв
Окажется молчанье.

Наталья ВОЗЖАЕВА